

ЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

9(47)22(092)

К 59

В. Козлов **РЯДОМ
С ЧАПАЕВЫМ**

Чапаев Василий Иванович (1887—1919) — герой гражданской войны, талантливый командир Красной Армии. Член коммунистической партии с 1917 года.

В ноябре 1918 г. был направлен на учебу в Академию Генерального штаба, но в феврале 1919 г. он по личной просьбе был возвращен на фронт в 4-ю армию, которой командовал М. В. Фрунзе.

За выдающиеся героические подвиги Василий Иванович Чапаев в 1919 году был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

В приказе Реввоенсовета Республики за № 137 говорилось: «Награждается орденом Красного Знамени начальник 25-й стрелковой дивизии тов. Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

«Сорганизовав по революционному почину отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 г. упорно оборонял Саратовско-Николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом чехословаков.

6 и 7 октября 1918 г. руководя отрядом Николаевской дивизии) на подступах к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через р. Самарку, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары.

Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам, Александро-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность нам овладеть Уральской областью.

Назначенный начальником 25-й стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник стоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стрелковыми ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами: Бугуруслан, Белебей и Уфа, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район.

В боях под Уфой (8 июня), при форсировании реки Белой, лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием города Уфы».

Ф. К.

9(47)22(092)

К 59

В · КОЗЛОВ

РЯДОМ С ЧАПАЕВЫМ

*Воспоминания
личного
шюфера*

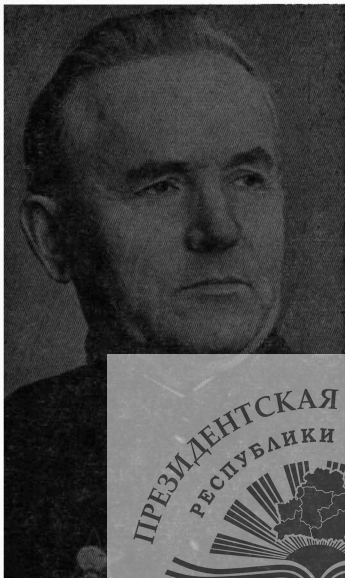
ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Президентская библиотека
Республики Беларусь

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1968

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В период гражданской войны мне посчастливилось быть шофером легендарного начдива Василия Ивановича Чапаева. В течение некоторого времени я встречался с ним каждый день, видел его и в боевой обстановке, и за разработкой военных операций, и на отдыхе.

Пишу, что видел, слышал и запомнил. Если эти страницы помогут читателю узнать что-то новое из жизни В. И. Чапаева, буду считать, что мой труд не пропал даром.

Читая воспоминания Василия Васильевича Козлова, невольно переносишься в те грозные годы, когда под командованием В. И. Чапаева пришлось пройти тяжелый боевой путь.

Нам, старым чапаевцам, выпала большая честь быть консультантами фильма «Чапаев», и мы помним, как его создатели братья Васильевы, да и наш «живой Чапаев» — ныне народный артист Советского Союза Б. А. Бабочкин, расспрашивали всех, как будто и о незначительных мелочах, касающихся боевой жизни Чапаева и чапаевцев. А когда эти подробности были воплощены в живые образы, получился правдивый, волнующий, незабываемый фильм. Он и теперь не сходит с экранов не только в нашей стране, но и за рубежом.

Запомнился всем первый просмотр. Фильм как бы переносил в прошлое пережитое.

Так и теперь. Книга «Рядом с Чапаевым» вновь переносит в чапаевские походы, в годы борьбы за Советскую власть.

В. Козлов сумел правдиво передать образ Чапаева, избежать ошибки других авторов, которые стремились показать его неисправимым партизаном, политически безграмотным, недисциплинированным. Это, безусловно, неверное представление о легендарном герое.

Он чутко прислушивался к советам комиссаров, к указаниям М. В. Фрунзе. И как губка жадно впитывал в себя все то, что обогащало его знания и опыт. Отличаясь большой простотой, чуткостью, добротой и сердечностью, Чапаев был равным со всеми, когда вместе с ними пел и плясал. Но даже и в эти моменты всегда оставался старшим, уважаемым, особым. Он никогда не допускал слащавого панибратства ни с солдатами, ни с нами — командирами.

Чего греха таить, мы его любили и побаивались.

Попробуй не выполни приказа Чапаева. Не спасут тогда ни дружба, ни служебное положение.

Его малейшее внимание или небольшая похвала удешевляли силы бойцов, и не случайно, что там, где появлялся Чапаев, даже в самых трудных положениях, бойцы всегда одерживали победы. Чапаевцы помнили требование начдива: «Ни шагу назад».

Будучи подпрапорщиком и полным георгиевским кавалером, Чапаев хорошо знал военное дело. Вот почему легко, как показывает автор, он мог устранить неисправность пулемета, а если нужно было — и артиллерийского орудия. Такого же отличного знания военного дела он требовал и от своих подчиненных.

Чапаев вел беспощадную борьбу против нарушителей воинской дисциплины, и были случаи, когда он сам расстреливал трусов, дезертиров и мародеров.

Вот таким, каким мы все знали Чапаева, В. Козлов и описывает его в своих воспоминаниях. Подкупает простота изложения. Автор с позиций бойца, не приписывая себе особых заслуг, передает виденное и пережитое, и, на мой взгляд, хорошо справился со своей задачей.

Я полагаю, что воспоминания Василия Васильевича Козлова вызовут несомненный интерес у нашей молодежи.

Большую работу по сбору сведений о героях гражданской войны проводят следопыты. И мне думается, что эта книга будет встречена ими также с должным вниманием.

Бывший начальник артиллерии 25-й
Чапаевской дивизии,
Герой Советского Союза,
генерал-полковник артиллерии
Н. М. ХЛЕБНИКОВ

В ЛИЧНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

Кому неизвестно, теперь имя Василия Ивановича Чапаева, этого изумительного по своей душевной красоте человека! Его знают и стар, и млад. В «Чапаева» играют дети. И представляют себе его по многочисленным фотографиям, рисункам, да и замечательному кинофильму «Чапаев», на лихом коне, в развевающейся по ветру бурке и сдвинутой на затылок каракулевой папахе.

А между тем, надо сказать, что, приняв под командование дивизию, Василий Иванович предпочитал пользоваться автомашиной, как транспортом наиболее удобным и оперативным.

Некоторое время при штабе была тяжелая шестиместная американская машина «паккард».

— Ну ее к черту! Это гроб, а не машина: то шины

у нее лопаются, то из грязи никак не вытащишь,— сетовал Чапаев. Он решил заменить ее на более легкую и подвижную.

На ней я и работал. Это был четырехместный, pedalный «Форд-Т», машина по тому времени считалась одной из наиболее выносливых, да к тому же и с электроосвещением.

Командир нашего автоотряда Анатолий Григорьевич Беневольский был задушевым человеком и моим земляком. Нередко, в часы досуга, заводил со мной разговор о родной сторонущке, о Волге-матушке.

Вот он подошел ко мне. Лицо серьезное.

— Здравствуй, товарищ Козлов.

— Здравствуйте, товарищ командир! — отвечаю.

— Чем занимаешься?

— Да вот просматриваю машину.

— Зайди ко мне, Козлов.

— Слушаюсь.

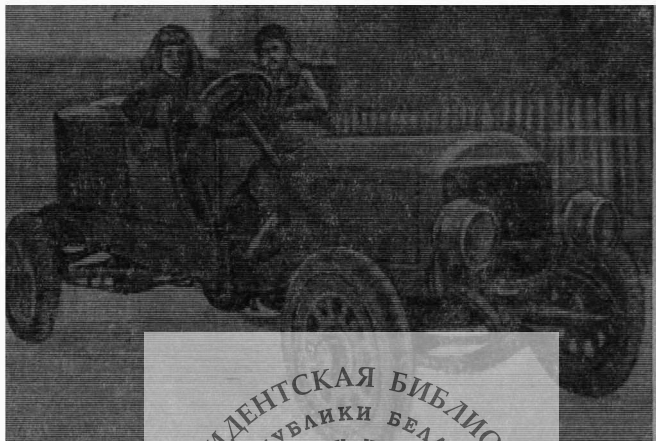
Иду в канцелярию и думаю: «Что случилось? Так официально Анатолий Григорьевич со мной еще не разговаривал».

— Разрешите войти?

— Да, да. Пожалуйста. Садись, Козлов.

Начал он разговор со мной издали: спросил, получаю ли письма от родителей, что пишут, поинтересовался здоровьем, не нуждаюсь ли в чем. Чувствую, что все это не то, не за этим вызвал командир. Помолчали немного.

— Получена телефонограмма от Чапаева,— сказал наконец Беневольский,— просит выслать в его распоряжение легковую машину. Придется дать все лучшее, что имеем. Решили с Прувле (помощник командира по технической части — В. К.) послать «фордик», а шофером — тебя. Как ты на это смотришь?

И на таких машинах работали в гражданскую войну

- Да ведь у него же «шаклард»!
- Отказался Чапаев от него. Сам знаешь, — это колымага, а не машина. Ну, так как?
- Что ж, я солдат. Когда и на сколько времени?
- Завтра и до победы. Готовь машину, Козлов. Если нужна помощь — возьми слесаря. Как она у тебя, ничего?
- Да машина-то в порядке, вот только тормоза...
- Что с тормозами? Подрегулируй.
- Регулировать уж больше некуда — ферродо¹ износилось, переклепать бы надо.
- Ну, сейчас, Козлов, этого сделать не можем: ферродо на складе нет и ни вершка. Поработай пока, а там, как получим — приедешь, переклепать недолго.

¹ Ферродо — тормозные ленты.

— Разрешите выполнять?

— Да, иди готовь машину, а потом зайдешь за документами.

Получив такое задание, признаюсь, я и обрадовался и немного растерялся: о Чапаеве у нас говорили по всему фронту. Рассказывали, что человек он вспыльчивый, в порыве гнева иногда бывает крут без меры, а на машине заезжает прямо в бой! А тут еще товарищи, узнав о моем назначении, начали подтрунивать: «Что, — говорят, — Козлов, к Чапаю? Смотри, он тебе покажет, где раки зимуют». — «Ну, что ж, — решил про себя, — посмотрим».

На другой день, приведя машину в порядок, я выехал в штаб дивизии. Еду в хорошем настроении. В пути нагнал краскоармейца.

— Садись, дружок, подвезу!

— Вот спасибо! Устал. Берет двадцать отмахал и никак не могу догнать свою часть. Я в станицу — они из станицы, так вот по пятам и шагаю. Здорово, видно, удирает казара. А ты куда едешь?

— К Чапасву.

— К Чапаеву! Зачем?

— Работать, возить Чапаева.

— Возить Чапа-а-ева? — смерив меня подозрительным взглядом, переспросил он.

— Да, возить, а что, не веришь?

Помолчав немного, боец усмехнулся, как-то перекосив губы, и сказал:

— Не возьмет он тебя.

— Почему так думаешь?

— Да так... жидковат. Чапаевской хватки не видно.

— Что значит «жидковат»? Какая тебе еще «хватка» нужна? — начал уж сердиться я.

— Не выдержишь, браток, испытания.

— Какого испытания? Я испытание по управлению машиной выдержал еще в шестнадцатом году.

— Чудак-человек! Не в том дело. Ты знаешь, как он принимает к себе бойцов?

— Как?

— А вот как, и ты это учти: зайдет к нему желающий поступить, а он сидит при полном вооружении. Только тот успеет сказать слово, как он вскочит, да с браунингом на него. «Застрелю,— говорит,— такой-сякой». И если боец не струсит, глазом не моргнет, того и принимает. Вот он какой, Чапаев-то!

Я подъезжал уже к штабу дивизии. Высадил попутчика, тот на прощанье напомнил:

— Так смотри, браток, не трусь!

«Ну, что за чертовщина! А думаю, — неужто в самом деле?.. Да нет, не может быть, скажи какие-то».

А вот и штаб дивизии.

У входа меня бесцеремонно остановил рослый, красивый военный, с револьвером за поясом.

— Стоп! Куда?

— Мне к товарищу Чапаеву.

— Зачем?

Показываю направление.

— Угу, шофер?! Так бы и сказал, а то... прется. Прямо, последняя дверь направо.

Этот сердитый дяденька, как я узнал на другой день, оказался Петром Семеновичем Исаевым — любимым ординарцем Чапаева.

Подошел я к двери начдива. Чувствую, как бьется сердце. Постучал, но мне не ответили: не услышали. Открываю дверь. Вхожу. Чапаев без фуражки, в защитном френче, галифе, перепоясан крест-накрест ремнями, с левой стороны — шашка, с правой — револьвер, что-то диктует машинистке.

— Разрешите обратиться, товарищ Чапаев!
— В чем дело? — обернувшись, спросил он.
— Шофер Козлов прибыл с машиной в ваше распоряжение!

Посмотрел на меня Чапаев внимательно и говорит:

— А где-то я тебя, парень, видел...

— Так точно, товарищ Чапаев, видели. Осенью восемнадцатого года, в Самаре. Я приходил к вам с просьбой перевести меня из отдела связи в автоотряд.

— Ну вот, видишь... Я смотрю: знакомое лицо. Давно работаешь шофером-то?

— С шестнадцатого года, товарищ Чапаев!

— А бумага есть какая?

Показываю сохранившееся удостоверение об окончании автокурсов. Прочитав Василий Иванович, улыбнулся в усы. Вижу, что бумажка произвела впечатление. Поинтересовался, чем занимаются родители, какое имеют хозяйство, женат ли.

— Ну вот, Козлов, будешь со мной работать. Пороху-то нюхать еще не приходилось?

— Да нет, товарищ Чапаев, — признался я, — в настоящем бою еще не был.

— Ну, ничего. Закалочку примешь — привыкнешь. Иди отдыхай: сегодня никуда не поеду. А ну, пойдём посмотрим, что там за машину Беневольский прислал.

Вышел со мной. Осмотрел машину. Погладил рукой капот радиатора.

— Теплая, стало быть, живая.

— Надежный конь, товарищ Чапаев, и овса не просит.

— Овса не просит, зато бензина, наверное, жрет уйму. Мне вон прислали два аэроплана, так одного бензина черт-те сколько надо.

— Я его бензином не балую.

— А на чем же он работает?

— Суррогат разный: лигроин, газолин, керосин. спирт древесный. Что есть, то и пьет. Да вы не беспокойтесь, товарищ Чапаев, лошадка добрая, получше будет вашего вороного.

— Ну, ну... не хвались, коня запрягаючи, хвались, коня распрягаючи. А сколько в твоём хрюкаче лошадиных сил?

— Сорок, товарищ Чапаев!

— Скорость какую может развить?

— По хорошей дороге до полсотни верст в час.

— Не плохо. Ну ладно, заговорился я с тобой. Ставь своего железного коня в каретник, а завтра будем объезжать.— И ушел.

Первое, что я почувствовал, это простота Чапаева. Рассказни бойца «застрелю, такой сякой!» оказались пустым домыслом. И всю мою робость, как рукой сняло.

Как сейчас помню Василия Ивановича Чапаева: среднего роста, сухощав, светлорусые волосы, с модной в то время причёской «бабочка». Чистые, серые глаза, взгляд умный, лихо закручены кверху пышные усы. Разговор волжанина на «о».

ВОТ ОН ТАКОЙ, ЧАПАЕВ!

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На следующие сутки, в ночь, Чапаев с комиссаром Фурмановым и ординарцем Исаевым выехали в бригаду, которой командовал Иван Семенович Кутяков.

Темь непроглядная. «Фордик» работал почти бесшумно. Подъезжая к полевому обозу, расположенному у обочины дороги, Чапаев приказал: свет потушить, ехать потише, чтобы нас не приняли за казацкий броневик.

Заметили нас уже в стане обоза.

— Броневи-ик! — раздался резкий выкрик.

Обозники засуетились: кто бежит, кто старается потушить костер, кто снимает гранату...

— Включи фары! — распорядился Чапаев. Вышел из машины, стал на свет.

— Свои! Чего испугались? Эх вы... Аники-воины. Сконфуженные, виновато улыбаясь, подошли бойцы.

— Полминуты замедли, товарищ Чапаев, и я бросил бы гранату под машину,— смущенно признался один из них.

— Ну, что ж,— усмехнулся Чапаев,— спасибо и за такую встречу.

...Всю ночь, до рассвета, мерцал огонек в хибарке штаба бригады, где Чапаев вместе с командирами обсуждал предстоящую боевую операцию. Мне впервые пришлось наблюдать, как Василий Иванович проводит совещания.

Как сейчас вижу: начдив — в центре, широко расставленными руками упирается в стол, перед ним — карта, циркуль, карандаш. Командиры примкнули полуколосьмом, вслушиваются внимательно, боясь слово пропустить. Иногда что-то записывают. Все, решительно все предусматривал Чапаев, учитывал мельчайшие обстоятельства. «Если вот так пойдешь, Кутяков, так вот что получится, а Потапов к тому времени будет вот тут. Ясно?.. А если вот так, то получится вот как...» И вдруг задумался над чем-то Василий Иванович, запел потихоньку своего любимого «Черного ворона».

Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не добьешься,
Черный ворон, я не твой.

Что ты когти распускаешь
Над мою головой?
Иль добычи себе чаешь?
Черный ворон, я не твой!..

Чувствовалось, как он подчеркивал, что черный ворон рано еще закурился над его головой, что добычи

он здесь все равно не получит. Так и хотелось отогнать от начдива зловещую, каркающую птицу...

На обратном пути к штабу дивизии с целью изучения местности мы поехали по незнакомой дороге.

Чапаев с увлечением рассказывал забавные истории из боевых походов, потом спохватился, предупредил:

— Прибавь, Козлов! Не опоздать бы — в три часа разговор по прямому с Фрунзе.

Выжимаю из «фордика» полный. О дно кузова, словно дробь, стреляли вылетающие из-под скатов мелкие галечки. Переваливая через небольшой бугорок, вижу: нам пересекает путь большой овраг. Сбросив газ и не подозревая ничего страшного, спускаюсь по срытому склону. И кто бы мог предположить — мостик через овраг оказался без настила, виднелись только четырехгранные балки на сваях!

Автомобиль под уклон набирает скорость. Свернуть некуда: машина неизбежно перевернулась бы. Ехать прямо — повиснем на балках или, еще хуже, — кувырком в овраг.

— Стой! Стой, Козлов! — крикнул Чапаев. — Не видишь, мост разобран! Куда прешь?! Тормози-и!..

А тормоза у «фордика» работали плохо: лента изнасилась и переклепать нечем.

— Вижу, товарищ Чапаев, да уж поздно.

«Вот он мост, совсем рядом...» — лихорадочно бьется мысль: расстояние между балками как будто должно совпасть с расстоянием колес. Должно или нет — примерять некогда. «Ну, — думаю, — или повиснем, или проскочим». И я направил колеса по балкам. Другого выхода не было. В машине сделалось тихо.

К счастью, мои расчеты оправдались, глазомер не обманул. Мгновение — и мы на другой стороне оврага.

— Уф! — слышу сзади вздох облегчения.

— Вот это шофер! — сказал Чапаев, обращаясь к комиссару. — Молодец, Козлов!

— Рад стараться, товарищ Чапаев! — ответил я по старой привычке, а у самого чуть не слезы на глазах: мне и приятно была похвала Чапаева, и радостно за благополучный исход, но и досадно, что из-за неисправности тормозов могла произойти авария.

Когда выехали из оврага, начдив приказал остановиться.

— А ну,— говорит,— пойдете посмотрим, что это за мост, он ведь нам нужен!

Осмотрел Василий Иванович мост со всех сторон и заключил:

— Никуда не годится. Весь сгнил. Придется строить заново. Исаев! Запиши это себе и дай указание от моего имени, чтобы срочно сделали.

— Слушаюсь, Василь Иванович!

«Запиши это себе и дай указание от моего имени». Эти слова еще раз подтвердили слухи о том, что Петр Исаев был у Чапаева не рядовым ординарцем. Исаев, унтер-офицер царской армии, окончил учебную команду в лейб-гвардейском финляндском полку. Были случаи, когда он куда-то внезапно исчезал, «в неизвестном направлении», а по возвращении на вопрос: «Где вы пропадали?» — неизменно, с хитроватой улыбочкой, отвечал: «Выполнял боевое задание Василь Иванович!»

...Дня через три-четыре пришлось снова ехать неподалеку от того мостика. Чапаев не забыл о своем задании. Остановил машину. Посмотрел в бинокль. Недовольно сдвинул брови.

— Все еще строят. Давай, Козлов, завернем на это строительство.

Подъехали. Василий Иванович поздоровался со

всеми за руку. Начал осматривать работу и нахмурился.

— Кто здесь старший? — спрашивает.

— Я, товарищ Чапаев! — отвечает один из бойцов.

— Как фамилия?

— Коновалов!

— Почему же, товарищ Коновалов, так ставишь балки?

— А как же?

— А так же, что ни к черту не годится такая работа! Сколько груза выдержат эти опоры?

— Не могу знать, товарищ Чапаев.

— Да какой же ты после этого строитель, если не знаешь, какой груз выдержит твой мост! Козлов! Какой грузоподъемности у вас в автоотряде машины?

— До трех тонн, товарищ Чапаев!

— Вот, слышал? До трех тонн! Да сама машина около трех, да гарантийный вес должен быть около трех. Девять тонн должен выдерживать этот мост! Ясно? А твои опоры выдержат девять тонн? Нет, не выдержат.

И Василий Иванович начал терпеливо объяснять, какие нужно ставить опоры, под каким углом делать крестовины, какие балки должны быть.

У красноармейцев лица вытянулись от удивления: они не знали, что Чапаев в юности несколько лет плотничал по найму вместе с отцом.

Да, мастер был Василий Иванович на все руки. Во все вникал сам. И вот теперь, когда вспоминаешь Чапаева, то невольно задаешь себе вопрос: откуда он брал силы, как, между стольких дел и забот, умел находить время и для веселого отдыха.

Любил он шутку и песню. Услышит, бывало, где поют, на полуслове прекратит разговор, прислушается, а потом скажет:

— Эх, хорошо поют! — Или: — Врет запеваля, не ту ноту взял.

И покажет, как бы он сам спел это колено, да затянет с таким переливом, да так высоко, что думаешь: «Не выдержит, сорвется». Ан, нет. Покраснеет до корней волос, а вытянет.

Любил он и русскую пляску. Увидит, где пляшут бойцы, — не утерпит, подойдет. И любо было смотреть, как действует на него ритм танца: то носком притопнет, то плечом чуть-чуть подернет. Чувствовалось, что хочется ему сплясать, а все-таки ждал, когда попросят. А за этим дело не стояло. Вот уж кто-то первый крикнул: «Чапаева!»

И бойцы подхватили:

— Чапа-а-аева! Чапа-а-аева! Про-осим! Про-осим!

Но просить долго не приходилось. Он охотно шел в круг. Выйдет, одернет френч, погребает ус. Даст указание, что играть

Рванет гармонисту меха саратовской с колокольчиками, взвизгнут дискантами стальные голоса. Застынут бойцы в ожидании. Чапай звонко припечатает подметкой землю раз, другой... сделает дробный перепляс и пойдет... и пойдет крутиться кубарем, отбивая каблуками дробь, да вразвалку, да вприсядку, да с присвистом... Бойцы дружно, в такт хлопают в ладоши, ритм танца все убыстряется. Чапай кружится, идет колесом... дух захватывает!

Сделав заключительное колено, Василий Иванович достает из кармана носовой платок,тирает с веселого лица обильный пот и отходит в сторонку, уступая место другому.

...Чапаев получил какое-то важное сообщение с передовой. Быстро вышел из штаба, на ходу пристегивая шашку. За ним — Фурманов.

— Козлов! Поехали, живо!

Сел за руль, спрашиваю:

— Куда, товарищ Чапаев?

— В бригаду Потапова! Жми, Козлов, всюю!

Только успел мой «фордик» набрать полную скорость, как вдруг откуда ни возьмись — гусь на дороге! Бросаю взгляд на Чапаева и читаю в его глазах: «Жми!»

На одном из участков командира 3-й (75) бригады Ф. К. Потапова действительно положение было серьезное. Крупные силы белоказаков при поддержке артиллерии прорвали линию обороны. Только личное вмешательство начдива помогло ликвидировать прорыв.

На обратном пути Василий Иванович был в хорошем настроении и начал надо мной подтрунивать:

— Ну как, Козлов, задавил гусака?

— Задавил, товарищ Чапаев.

— А что же ты не остановился?

— Виноват, товарищ Чапаев, ждал вашего указания.

— Ишь ты, хитрый какой! Ждал указания! Вот завтра придет хозяйка с жалобой. Платить ведь придется за гусака-то, как ты думаешь?

На другой день и в самом деле пришла хозяйка. Расплакалась, раскричалась... Вышел из штаба Чапаев.

— В чем дело? Что за крик?

— Да вот, товарищ начальник, вчера ваш шофер задавил у меня последнего гуся. Войдите в положение у меня малы дети.

— А откуда ты знаешь, что это мой шофер задавил?

— Да ведь машину-то вашу все знают, сама ви дела.

— М-да-а... Задавил, говоришь, гуся?

— Задавил, ирод, как есть насмерть.

— А ты знаешь, гражданка, что у меня в это время на фронте дела были подороже твоего гуся!? Мне некогда было ждать, когда гусь перейдет дорогу!..

Казачка что-то невнятное пробурчала в ответ и, решив, видимо, что жалоба ее ни к чему, замолчала. Но начдив вдруг позвал ординарца.

— Исаев!

— Слушаю, Василь Иванович!

— Распорядись, чтобы со склада выдали этой гражданке фунтов пять-шесть мяса.

— Есть! Пошли, тетенька!

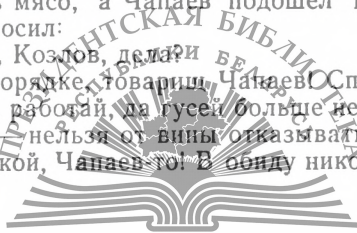
Казачка, довольная решением начдива, отправилась получать мясо, а Чапаев подошел к машине и, улыбаясь, спросил:

— Ну как, Козлов, дела?

— Все в порядке, товарищ Чапаев. Спасибо вам.

— Ничего, работай, да гусей больше не дави. И уж знай наперед — нельзя от вины отказываться.

«Вот он какой, Чапаев-то! В обиду никого не даст».

СРЕДИ БОЙЦОВ

Слухи о том, что Чапаев на машине свободно разъезжает по передовой, оказались верными. Вскоре после моего прибытия в штаб он поехал на передовую.

Вышел из машины — и к бойцам. Прилег рядышком, заговорил. Его появление в подразделениях делало чудеса: на утомленных лицах оживала улыбка, в глазах загорались искорки с твердой верой в победу.

— Чапаев приехал! — Эти слова быстро передавались по цепи.

Каждый стремился, насколько возможно, быть ближе к Чапаеву, услышать его слово, пожать руку. Чапаев со всеми здоровался за руку.

А слова для бойцов он умел находить задушевные. «Я не генерал какой, — любил говорить, — который

Командир 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаев, комиссар дивизии Д. А. Фурманов, командиры и политработники дивизии. (Снимок сделан в июне 1919 г. после разгрома войск Колчака под Уфой)

за двести верст из кабинета приказывает идти в бой, взять такой-то город. Я с вами сам всегда впереди, а если грозит опасность, то первый я ее приму на себя».

Бойцы отвечали начдиву безграничной преданностью и любовью и считали для себя большой честью сражаться под его командованием.

...Редкий день пройдет, чтобы Чапаев не выехал в то или иное подразделение. Особенно часто посещал он бригаду своего первого заместителя Кутякова.

Приедет Василий Иванович, уйдет по своим делам, а кутяковцы (так звали бойцов 73-й бригады,— В. К.) тут как тут. Обступят машину со всех сторон и непременно завяжут разговор:

— Что, Чапай приехал?

— Да,— ответишь им,— приехал к вам.

— Нас он не забывает, где бы ни ездил, а к Ивану Семеновичу обязательно заедет.

— Да нет,— подтрунишь бывало,— он и другие бригады навещает нередко.

— Навещает, да не так. Уж это мы доподлинно знаем — Кутякова с другими не сравниет.

Слово за слово и пойдут рассказы без начала и конца. А уж если зайдет речь о геройстве, кто смелей и храбрей, то Кутяков всегда у них получался и смелей и храбрей, потому что всегда был на передовой, всегда с ними рядом.

Особой популярностью пользовался рассказ о том, как Чапаев сдавал экзамен в Военной академии. При чем, рассказ был в разных вариантах. В одном,— что Чапаев отказался показать на карте реку Рейн. «Нам,— говорит,— сейчас нужно знать не иностранные реки, а свои, где мы воюем, а вот разобьем буржуев, тогда и за Рейн возьмемся». В другом,— что он

В. И. Чапаев перед отрядом в Академию в ноябре 1918 г.

не только отказался показать Рейн, а еще и профессора спросил, знает ли тот, где протекает речка Чаган, которую с бойцами два раза переходили вброд. «Вот,— говорит,— какие реки нам надо знать, а то — Рейн...»

Интересно было слушать, как Чапаев «пушил» старшего по строительству моста. Сидишь, бывало, и наблюдаешь, где забавнее сочиняют. А успех зависел от способности рассказчика. Иной так ловко заливает, что все животики подожмут от смеха.

«Ты что же,— говорит Чапаев,— сукин сын, так строишь?! Броневики по мосту пойдут, а не детские коляски! Чтob завтра же было все переделано, приеду — проверю. Не выполнишь — пеняй на себя».

А горе-строитель стоит перед ним ни жив, ни мертв: поджилки трясутся, губы дрожат, а сам только и твердит: «Слушаюсь, товарищ Чапаев! Слушаюсь, товарищ Чапаев!» Да на плетку поглядывает — боится, как бы не отхлестал.

...В штаб дивизии мы с помощником¹ возвратились через трое суток. Переночевав в бригаде Кутякова, Василий Иванович, желая, видимо, сделать комбригу приятное, вызвал меня утром и говорит:

— Козлов! Останешься здесь с машиной в распоряжении Кутякова, а я уеду на лошади.

— Слушаюсь, товарищ Чапаев!

До этого я не помню случая, чтобы Чапаев кому-нибудь из комбригов оставлял свою машину. Сообщаю помощнику. Тот, недоумевая, смотрит на меня, спрашивает:

— А на сколько времени, не сказал?

— Нет.

— Ты бы спросил.

— Неудобно было спрашивать...

Едва Чапаев уехал, как вызвал меня Кутяков.

— Козлов, завод!

Долго ли завести свою машину. Спрашиваю:

— Куда поедем, товарищ Кутяков?

— На передовую, куда больше?

На передовой комбриг Кутяков, как и Чапаев, за просто беседовал с бойцами, чувствовалось, что его любили. Не зря, видимо, начдив самый ответственный участок по штурму Уфы доверил его бригаде.

Объехал тогда Кутяков все свои подразделения, даже в соседнюю бригаду; к Зубареву, заглянул. Там подняли переполох. Видят — машина Чапаева, бросились

¹ В гражданскую войну шоферы имели помощников.

встречать, но что такое? Вместо начдива, откинувшись на сиденье, важно сидит Кутяков.

— А где Василь Иванович? — спрашивает Зубарев.

— Я за него! — улыбаясь, отвечает Кутяков.

— Брось смеяться! Нет, в самом деле, где?

— Да надоел ему этот драндулет, взял мою лошадь и уехал, а машину оставил мне.

— Брешешь, Иван Семеныч!

— Не веришь — не надо. Поехали, Козлов. До свидания!

— До свидания. Вывали его, Козлов, где-нибудь в овраге. Тоже — «Я за него!»

Отпустил нас Кутяков к Чапаю, когда убедился, что горячего в баке у «фордика» — лишь бы доехать до Лбищенска.

...Выезжая в то или иное подразделение, Чапаев не любил предупреждать об этом командиров, он хотел видеть все так, как есть, без подготовки. Но вездесущий Петр Исаев успевал позвонить, доложить: «К вам выехал!» Кто «выехал» — объяснять не требовалось: знали, о ком речь — не впервые!

И по полученному сигналу начиналась подготовка: тут и дополнительные дозоры, часовые, и соответствующая уборка в штабе, даже улицу перед избушкой подметут. Себя осмотрят — не болтается ли где пуговица, побреются — Чапаев за последнее время строг был и к этому. А повару особое задание — чтобы обед был как следует!

Приедет Василий Иванович, а ему и на караул сделают, и рапорт отчеканят, и куда он ни заглянет — везде чистота и порядок. Но, как говорит пословица, старого воробья на мякине не проведешь. И все же Ча-

паев не портил командирам настроение — знал ему цену. Вида не подаст, что ему все ясно, только улыбнется в усы, да крякнет многозначительно. После завершения дел — обед. Уж без этого не отпустят.

Не могу обойти деталь, лишний раз подчеркивающую, как чуток был Василий Иванович к своим подчиненным.

О своем шофере никогда не забывал. Обязательно позовет обедать. И посадит не где-то отдельно, в стороне, а непременно рядом, за одним столом. И тут, видя такую человечность, невольно вспоминалась старая царская служба.

Пришлось мне в шестнадцатом году служить шофером командира автороты. Вызовет, бывало, «его благородие» машину, весь день тоится по городу, а в ночь, как правило, — к подъезду ресторана. И если тебе ничего не сказано — это значит: стой и жди! А на улице трескучий мороз, а машина-то открытая!

И вот стоишь час, два, три... мерзнешь в шинелишке, прогревая мотор каждые пятнадцать-двадцать минут. А ед ли ты что за весь день, нет ли — это «его благородия» не касается. И как назло, из открытой форточки валит столбом тепло и запах жареного, от которого так ноет и сосет под ложечкой. «Эх ты, жизнь проклятушая, солдатская!..» — не раз, бывало, выругаешься...

СЕРДЦЕ НЕЖНОЕ И СУРОВОЕ

Прост был Василий Иванович в обращении с людьми. Он мог сурово взыскать за нарушение дисциплины, но всегда оставался глубоко человечным. Особенно терпеть не мог воровства, грабежа. В этих случаях был строг. Он понимал, что авторитет дивизии в массах — необходимое условие для победы над врагом, и остро реагировал на любое проявление недисциплинированности, будь то большое или малое. Вспоминается такой эпизод.

С полным текстом документа можно ознакомиться
в библиотеке